

МОДЕРНИЗАЦИЯ: К ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ И РОССИЙСКИМ РЕАЛИЯМ

**Владислав
ИНОЗЕМЦЕВ,
доктор
экономических
наук (Россия)**

Понятие «модернизация» вошло в аппарат современной социологической теории после Второй мировой войны и представляет собой термин, используемый преимущественно для обозначения политической и экономической стратегии, направленной на быстрое изменение технологических, хозяйственных и социально-политических условий функционирования общества ради придания ему большего социального динамизма и повышения экономической конкурентоспособности. Появление этого понятия в годы трансформаций исторического масштаба – послевоенного восстановления европейских экономик, формирования в мире двух полярных социально-экономических систем, краха колониализма и становления индустриальных экономик в азиатских странах – обусловило его «общий» характер и тесное вплетение термина «модернизация» в контекст теории развития (development theory), которая сформировалась как область экономической науки приблизительно в тот же период.

Первые серьезные исследования по проблемам модернизации основывались на материале стран Южной и Восточной Европы, которые в середине XX века объективно рассматривались как единственные государства, обладавшие потенциалом для быстрого экономического развития в послевоенные годы. Книги П. Розенштайн-Родана и Е. Стейли, вышедшие в 1943–1944 годах, во многом содержали рецепты быстрого послевоенного восстановления, отчасти использованные в ходе реализации в Европе «плана Маршалла» в 1947–1951 годах.

В 1950–1960-е годы исследования модернизации преимущественно шли в двух направлениях: с одной стороны, ряд ученых разрабатывали теорию развития в контексте смены фаз и этапов экономической зрелости того или иного общества, с другой – изучались механизмы и методы распространения западного опыта на страны и регионы, еще не знавшие индустриального хозяйства.

Осмысление процесса развития западных обществ в 1950–1970-е годы привело к созданию целого ряда «стадиальных» теорий экономического прогресса, которые обычно связываются с именами Уолта Ростоу (1916–2003), Германа Кана (1922–1983) и Даниела Белла (родился в 1919 году). Важнейшим вкладом данных авторов в дискуссию о модернизации

я бы счел обоснование ими естественного характера экономического развития и его связи с социальными, политическими и даже социопсихическими сторонами жизни общества. На основе своих исследований они сделали вывод о том, что экономическое развитие отличается высокой степенью градуализма и «перепрыгивание» через его отдельные стадии (соответствующие представления были в те годы широко распространены в СССР) невозможно.

Однако наибольший вклад в то, что сегодня и следует считать теорией модернизации, внесли исследователи (и политики), обращавшие внимание прежде всего на особенности развития «незападных» обществ. Именно их усилия привели к тому, что на протяжении нескольких десятилетий понятие «модернизация» использовалось в первую очередь в контексте исследования перехода традиционных (постколониальных) обществ к той экономической и политической модели, которая была принята на Западе. Не будет преувеличением считать, что под модернизацией исследователи тогда понимали вестернизацию, то есть экспансию западных производственных практик и социальных отношений на страны за пределами западного мира. Исходным посылом выступала уже отмеченная мною убежденность большинства западных социологов в относительной моно-

линейности общественного прогресса, ведущего от аграрно-добывающих к индустриальным и далее к постиндустриальным обществам. Следует заметить, что для такого подхода имелись веские основания. 1960-е и 1970-е годы были не только периодом бурного экономического роста и стремительной инфильтрации достижений науки и техники в повседневную жизнь, но и временем, на протяжении которого промышленные и технологические успехи считались главным индикатором жизнеспособности того или иного общества. Индустриализация и прогресс иногда рассматривались как понятия во многом синонимичные. Большинство западных экспертов полагали, что США и СССР представляют собой две модели единого по своей сути индустриального общества, и разделяли оптимизм относительно того, что можно достичь путем внедрения планового инвестирования в новый физический капитал с использованием резервов прибавочного труда, стратегии импортозамещающей индустриализации и централизованного планирования.

Эпоха становления теории модернизации была периодом, когда в мире доминировали оптимистические настроения, вызванные верой в возможности науки и техники, в способность государств, исторически находившихся за пределами западного мира, догнать страны-лидеры, а также в перспективы «конвергенции» западных стран и государств советского блока как развитых индустриальных держав. В этот период сложилось понимание модернизации как многогранного процесса, характеризующегося следующими основными чертами:

- революционностью: модернизация предполагает преодоление элементов традиционных социальных связей и принятие принципов, свойственных буржуазной либеральной экономике;
- комплексностью: модернизация требует перестройки экономики, индустриализации, роста социальной активности, секуляризации и (в перспективе) расширения политического участия;
- системностью: отдельные стороны и аспекты модернизационного процесса тесно связаны со всеми остальными, стимулируют и поддерживают их;
- глобальным характером: с вызовами модернизации сталкивается большинство стран, и успехи одних подталкивают других к переменам;

- продолжительностью: масштаб проблем требует медленных и адаптивных изменений, и поэтому модернизации продолжают десятилетиями;

- гомогенностью: осуществление модернизаций сближает страны и народы и скорее унифицирует их, чем делает их более разнообразными;

- необратимостью: современная история не знает примеров того, чтобы достигшие серьезного экономического и социального прогресса народы добровольно отказывались от своих завоеваний, возвращаясь к более традиционному обществу.

Таким образом, понятие модернизации было призвано обозначать процесс преодоления той или иной страной своего экономического и социального отставания от лидеров хозяйственного прогресса. Модернизация считалась инструментом преодоления отсталости вне зависимости от причин последней: таковыми могли быть колониальное наследие, долгая исключенность из глобального разделения труда или последствия разрушительных войн. Для целей этого исследования я определяю модернизацию как скоординированные усилия общества по преодолению нетерпимого отставания в экономической и социальной сферах, чреватого потерей конкурентоспособности страны и утратой ею экономических и политических позиций на мировой арене.

Итак, подведем некоторые итоги. Модернизация – это сложный социальный проект, порождаемый осознанием экономического, технологического и социального отставания того или иного общества от лидеров и иницируемый элитами для преодоления такого отставания. Модернизации не начинаются «снизу» (хотя стартом для них могут стать серьезные социальные катаклизмы, приводящие к власти ориентированные на реализацию модернизационной программы силы); они реализуются элитными группами при широкой поддержке со стороны общества. Для успеха модернизации необходимы прежде всего четкое понимание властью ее задач и целей и формирование в обществе (или, по крайней мере, его активных слоев) консенсуса относительно желательности изменения существующего положения дел. При этом с каждым новым десятилетием обе эти предпосылки становятся все более необходимыми.

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович.

Родился в 1968 году в городе Горький (теперь – Нижний Новгород). В 1989 году окончил экономический факультет МГУ, затем – аспирантуру МГУ.

Научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, главный редактор журнала «Свободная мысль» (Россия).

Доктор экономических наук. Автор более 200 печатных работ, опубликованных в России, Франции, Великобритании и США, в том числе 13 монографий, четыре из которых переведены на английский, французский, японский и китайский языки.

Модернизация основывается на осознанной концентрации финансовых и иных хозяйственных ресурсов и направлении их в заранее определенные «точки роста», то есть отрасли, которые в той или иной стране могут быть обновлены и выведены на соответствующий мировому уровень с наибольшей эффективностью. После достижения устойчивого роста в этих отраслях модернизация распространяется вширь – сначала на другие сектора экономики, затем на социальную, и, как правило, в последнюю очередь – на политическую сферу.

Модернизация представляет собой не просто ускоренное экономическое развитие, а ускоренное развитие экономики по отношению к социальной и иным сферам, существенный подъем уровня жизни становится следствием, а не является предпосылкой модернизации.

Модернизация выполняет – и может выполнить – относительно узкий круг задач по индустриальному развитию страны.

В ее основе лежит экономия ресурсов и усилий, воплощающаяся в массовом технологическом заимствовании, которое позволяет более быстрым, чем у первопроходцев, темпом продвигаться по пути промышленных преобразований. Модернизирующиеся страны позиционируют себя – как в XIX, так и в XXI веке – преимущественно как поставщики индустриальных товаров и вступают в конкуренцию с другими глобальными игроками именно с этих позиций. Модернизации следует иметь четкие ориентиры, по мере приближения к которым общество должно быть готово существенным образом переформулировать повестку дня.

Модернизация предполагает радикальное вовлечение страны в систему мирохозяйственных связей; практика показывает, что попытки быстрого индустриального развития в относительно замкнутой среде ведут в тупик, так как даже самая талантливая политическая и управленческая элита не способна на протяжении длительного времени безошибочно улавливать тенденции и тренды в развитии промышленного сектора и сферы услуг в остальном мире и подстраиваться под них без реального взаимодействия с этим миром. Преобразования, не завершающиеся выводом

производимой в стране индустриальной продукции на внешние рынки и завоеванием заметного присутствия на них, – не более чем пародия на модернизацию.

И, наконец, модернизация – это масштабный социальный инжиниринг, за который не стоит приниматься радателям самобытности и особости. История как целого ряда зарубежных стран, так и самой России свидетельствует: ни специфика предшествующего развития, ни религиозные особенности, ни «врожденные» этические и поведенческие стереотипы не являются непреодолимыми препятствиями на пути модернизации. Ее сторонникам следует помнить: индустриальные модернизации – продукт последних 150 лет; в них воплощается специфика современного массового, отрицающего устоявшиеся каноны общества. Они становятся возможными не по причине существования определенных традиций, а в силу того, что новые открывающиеся перед социумом возможности позволяют разрушать и отбрасывать такие традиции. Модернизация – антипод любому виду «охранительства».

Оценивая перспективы модернизации в современной России, следует сказать, что они, по меньшей мере, неочевидны. В масштабах страны сегодня отсутствует социальный консенсус относительно необходимости модернизации. Риторика последних лет, продолжающаяся и по сей день, направлена преимущественно на убеждение граждан в том, что ситуация улучшается и будет улучшаться в рамках проводимого курса. Период 2002–2008 годов прошел под знаком повышения благосостояния населения без какого-либо пропорционального увеличения его собственных производственных усилий. Господствующие в обществе недоверие и настороженность по отношению к внешнему миру существенно укрепились. Но главным препятствием остается позиция властей, не решающихся обозначить реиндустриализацию страны за счет ограничения текущего потребления и доходов сырьевого сектора своим главным приоритетом. В результате степень зависимости России от поставок оборудования, высокотехнологичных товаров, средств связи и обработки данных, компьютерной техники и фармацевтической продукции сопоставима с той, что характерна для стран «третьего мира» с показателями ВВП на душу населения в 2–2,5 раза меньшими, чем в России.

Специфика экономического и геополитического положения России обуславливает два возможных сценария модернизации.

С одной стороны, Россия в состоянии пройти, пусть и с небольшими коррекциями, традиционный инициативно-мобилизационный путь модернизации, в основе которого лежит амбициозная цель превращения в развитую индустриальную экономику и потенциально в самостоятельный центр экономической мощи. Такой сценарий предполагает пересмотр отношения к сырьевому сектору, перемещение его с места «нашего всего» на позицию «дойной коровы» и концентрацию первоочередных усилий на повышении эффективности производства и использования энергоресурсов. Параллельно следует всемерно поощрять создание новых производств, делая ставку на иностранные капитал и технологии и поддерживая крайне благоприятный налоговый режим для развивающихся отраслей промышленности за счет наполнения бюджета поступлениями от сырьевого сектора. Двигаясь по этому пути, следует последовательно реорганизовывать аппарат управления, насаждая принципы конкурентности и меритократический отбор, а также делать страну максимально открытой внешнему миру. Этот тип модернизации не требует серьезных преобразований в политической сфере; элита не должна быть заменена какой-то другой, но она должна радикально измениться внутренне, чтобы оставаться конкурентоспособной. Вероятность того, что такая попытка в ближайшие годы будет принята, по моему мнению, в целом не слишком высокая, но заведомо большая, чем шанс на развитие по другому пути, «технически» представляющемуся более простым.

С другой стороны, Россия может двинуться по альтернативному пути, более эволюционному и требующему меньшего организационного напряжения. Под таковым я понимаю стратегические партнерство и союз с Европой, предлагающей достаточно эффективную модернизационную парадигму, апробированную в последние годы на восточноевропейских странах, ранее входивших в советскую зону влияния. Этот путь требует более радикального старта, состоящего в принятии и внедрении в России большей части стандартов и правовых норм, принятых в Европейском союзе, для обеспечения максимально быстрой хозяйственной интеграции с ЕС и постепен-

ного формирования в стране индустриального комплекса, обеспечивающего потребности как самой Российской Федерации, так и ее европейских соседей. В то же время такая стратегия выглядит организационно более легко осуществимой, так как, встав однажды на подобный путь, страна получает независимо от внешнего арбитра, а элиты начинают осознавать, что отклонение от избранного курса чревато потерей по крайней мере части экономических достижений. Страны Восточной Европы, оказавшиеся в глубоком кризисе в начале 1990-х годов, легко сделали подобный выбор, прежде всего потому, что чувствовали себя экономически несостоятельными и политически тяготеющими к Западу в противовес России. У самой России сегодня нет ни одного из этих мотивов, а российская элита в последние годы четко демонстрирует, что любые ограничения ее политического и экономического своеволия абсолютно неприемлемы. Поэтому «европеистский» путь представляется практически невероятным.

Россия сегодня находится в двойственной ситуации. Модернизация, которая ей необходима, предполагает сильное государство (которое отчасти сложилось за последние годы), но в то же время требует пересмотра его экономических основ и его заикленности на извлечении ренты из эксплуатации природных ресурсов. Для нее необходимы большие экономические свободы и открытость (попытка создать которые была предпринята в 1990-е годы), но она не может быть осуществлена в отсутствие четкого плана и направляющей роли элит. Поиск модернизационных рецептов в еще более ранних периодах российской истории – попытках технологического прорыва 1960-х годов, сталинской индустриализации 1930-х или ускоренном развитии имперской России конца XIX века – вряд ли принесет результат ввиду существенных отличий сегодняшних экономических и политических реалий от ранее существовавших условий. Поэтому у нас остается единственная опция – беспристрастно изучать опыт тех, кто осуществил успешные модернизации в XX веке, всемерно перенимать его положительные черты и постоянно помнить, что в мире есть много «неразвивающихся» стран, история которых образно показывает многообразие существующих у модернизации альтернатив. ■

